
То, что кажется важным, ускользает от глаз.
День глядит мне в лицо сквозь прозрачные струи.
Защити меня, Боже, как любого из нас,
от нелепой беды – быть потерянной всуе.

Вечер, падая с облаков,
синей шапкой город накрыл:
коробá бетонных домов –
монументы братских могил.

Смыслы прятались между строк,
и ужом подползала весть:
кто не сможет вспомнить Исток,
навсегда останется здесь.

У синицы, зажатой в руке, испуганные глаза.
В трепетном тельце – сердце – стучит, стучит...
Она знает то, о чем говорить нельзя.
Она помнит лица лежащих под грузом могильных плит.

Она слышит дивную музыку ангельских сфер.
На страже ее свободы – небесная рать...
Разжимаю пальцы: синица взлетает вверх –
в небо. Там кружит журавль, но его не поймать.

Рваные края облаков
алой нитью штопал закат.
Пепел отшумевших веков
серебром покрыл циферблат.

Время сквозь пространство текло,
растворяясь в вышних мирах –
там, где звезд цветное стекло
росами сияло в полях,

где, укрывшись теплым крылом,
благодатью боль исцеля,
спал Творец, и в сне голубом
новая рождалась Земля.

Из книги «Письма в Кама-Локу»

Огонь еще мерцает, путь – блестит,
таинственен, заманчив, но кремнист,
и старый Дух, как старый органист,
гудит хоралом среди могильных плит,

еще звенят от райских врат ключи
сквозь бормотанье древних мудрецов,
и памяти венчальное кольцо
еще сияет звездами в ночи.

На семи холмах
жизнь сполна вкусить.
На семи ветрах
над Землей парить.

У семи раки
схоронить беду.
У семи обид
погостить в скиту.

У семи дорог
испросить пути,
чтоб в седьмой чертог
на заре войти.

На седьмой версте
обрести покой
и к седьмой звезде
вознестись душой.

Ломбард по закладу душ
открыт до поздней зари.
А в небе – синяя тушь
замешана на крови,
а сердце бьется крылом
в глухую темную клеть.
Но горя черный излом
к звезде не дает взлететь.

Этих дней августовских
перезвон золотой –
отголоски, наброски
красоты неземной.

Запах яблок созревших,
горечь скошенных трав.
Тишина отболевших
заключительных глав.

Дрозд поет под сурдинку,
солнце гаснет в яру,
и дрожит паутинкой
жизнь моя на ветру.

В проломах истлевшей крыши
гнездятся садовые птицы.
Сквозь годы я все еще слышу,
как в доме скрипят половицы,

сквозь время я различаю
узор узловатых сучьев...
твой смех... приглашение к чаю...
беседку и стул скрипучий...

Надежда моя и улада:
сквозь Вечность я чувствую кожей
тепло влюбленного взгляда
того, кто мне всех дороже.

Земля в овраг сползает под уклон –
упрямо, неотступно, незаметно,
а с ней – дремучий сад и ветхий дом,
и наша жизнь, и все ее приметы.

И тени обитавших здесь людей
еще мелькают меж замшелых сучьев,
где птичий рай, веселый и певучий,
но счастье отзвеневшее – беззвучно,
погребено в земле среди корней.

Дом заброшенный пахнет склепом.
Клочья сумрака. Скрип петель.
Мы, смеясь, проводили лето,
и за ним ты ушел в метель.

Мир объят ледящим ветром –
как теперь мне тебя найти?!
Безответно – слепящим светом –
Небеса встают на пути.

Велосипеды прыгали на кочках.
Садилось солнце. Ветер в поле стих.
И плыли в небе, словно птицы, строчки
про счастье, что дается на двоих.

Теперь бреду одна с тяжелой ношей
заросшим полем, в зарослях берез.
А следом, и чернó, и тонкокоже,
плетется горе, словно верный пес.

Первый день сентября
был по-летнему знойным и страстным.
Мы любили не зря,
и ничто не казалось напрасным.

Мир похож на игру.
Я играла не слишком умело:
закатилось в траву
мое счастье яблоком спелым.

Душный сентябрь, сплетающий стебли трав
в поздний венок, а может, в венец терновый,
щедро одарит. И будет, как прежде, прав,
падая под ноги ржавым листом кленовым:

только паденьем можно измерить взлет,
только идущий вправо постичь дорогу.
Мудрая осень поделится от щедрот
пеплом костра и горечью эпилога.

Цикады звенели тонко
в траве, от росы седой.
Прозрачною перепонкой
месяц дрожал молодой
над увядающим полем,
застывшим в немой мольбе,
и вечер, казалось, был болен,
так безнадежно болен
моей тоской о тебе.

Не юродствуя, не мудря,
тенью призрачной во плоти
стою посреди октября
и не знаю, куда идти.

Отсвет пламени – за спиной,
тьма безвременья – впереди.
Один на одни с бедой
стою посреди Земли.

Ни в аду среди огненных льдин,
ни в чистилище, ни в раю –
с судьбой один на один
посреди Вселенной стою.

Как странен мир изнутри:
ночь зажгла фонари,
и тени меняют позы...
Смотри, любимый, смотри,
вглядеться еще не поздно:

завеса легка и тонка,
ты видишь меня и слышишь –
оттуда, где колокола
славят небесный Китеж,

где в яблоневом саду
беззвучно падают листья,
где иволга поутру
подобна мечте флейтиста,

где бьется пламя костра
о купол ночи беззвездной...
Сухая шуршит трава
о том, что любовь – права,
и это понять – не поздно.

Месяц начался снегопадом,
а продолжился Бабыим летом –
парадоксы и перепады.
Впрочем, я совсем не об этом.

Я о том, что черней и глуше
пустота октябрьской ночи,
что познания плод надкушен,
и мудрость грешит многоточьем,

я о том, что горчат изломы
судьбой начертанных линий,
что людская память бездонна,
но на этой Земле огромной
однажды никто не вспомнит,
как мы друг друга любили.

Старость тела – не старость души:
выцветают глаза, не чувства.
Предвкушение тишины –
ожиданье на грани искусства.

Наготой чернеет земля.
Мокрый снег – потеки и сгустки.
Наваждение ноября –
искушенье на грани искусства...

Там, в земле, где влага и тьма,
набухают корни – до хруста...
Без тебя не сойти с ума –
мастерство на грани искусства.

Мирозданию не прекословь:
путь на Небо страданьем услан.
Связи нет, прочней, чем любовь –
вера в чудо на грани искусства.

В черных ноябрьских лужах
блики фонарного света.
В полуостывшей кружке
мята минувшего лета
и одиночества горечь –
смерти дары лукавы...
Тьмой осыпается полночь
с белого платья Мáры¹.

Предназначение без цели иль судьба
для снега первого: лететь, упасть и таять...
Любимый мой, я все еще жива,
я берегу любовь твою и память.

Мне холодно. Мне пусто и темно.
Предзимье. Ночь. Последняя страница.
Скребется ясень веткою в окно,
как будто хочет болью поделиться.

И лампа не горит.
И врут календари...

«Сплин».

Сломалась лампа – больше не горит,
и лжет безбожно наглый календарь:
за окнами в испарине флюид
два месяца слоняется ноябрь,

себя провозгласивший декабрем.
Туман и морось. Лиц не разглядеть.
Терпенья крохи, данные в заем,
к концу зимы убавятся на треть.

¹ Мара – славянская богиня зимы и смерти.

Не разобрать слова, не вспомнить сны.
Любовь от расставанья не сберечь.
Законы справедливости ясны:
кому судить – тому и в землю лечь.

Стирая память, не взыскать вины.
Терзая душу, не внушить покой.
Пароль утерян. Коды не верны.
О Небеса, за что ж вы так со мной?!

То ли верится, то ли не верится –
все закончится чем-нибудь.
Жизнь вокруг копошится и вертится,
забывая в себя заглянуть...

Я смотрю тревожно и пристально –
до отчаянья, до слепоты:
где любимый мой и единственный
для меня оставил следы...

Влажный вечер в потеках лавандовых,
в небе – хлопья цвета сурьмы:
то ли перья простуженных Ангелов,
то ли слезы мокрой зимы.

Самая долгая ночь в году –
мера исхода.
Демон тоски продолжает игру,
с крапом колода.

Кто-то ушел платить по счетам,
кто-то остался.
Дебри Эдема. Дряхлый Адам.
Пряная сальса.

Дождь намывает желтый пирит
под фонарями.
Бегства из ада тьма не простит,
но Ангелы – с нами.

Ангелы с нами присно и днесь.
Медь и литавры.
Лунные тропы, ярая спесь
Альфы Центавры.

Солнце родится, Солнце взойдет
силой закона.
Белые крылья, первый полет,
луч у амвона.

Призраки ночи сгинут к утру –
злы, но ранимы.
Я угадаю в небе звезду –
нашу, любимый!

Гирлянд сигнальные огни
мигают, призывая чудо.
Как долги праздничные дни!
Как зла январская остуда:

закончив праздник, разойтись
по норам, клеткам и загонам.
Кому-то – шумный бенефис,
кому-то – заповедь шаблона,

а мне... А мне – наш тихий дом,
где трудно ждать и просто верить,
где Свет под ангельским крылом,
как право пережить потерю.

По жестяному карнизу
дождь барабанит ночной.
Жизнь пригибает книзу –
может, пора домой?

Дома слезы осушат
и никогда не солгут.
Дома родные души
любят меня и ждут.

Мы возвращаемся туда, в небесный дом,
где каждый – странник, блудный сын, паломник.
Кто налегке, а кто и с багажом –
увесистым и даже неподъемным.

Там нет границ, и время не бежит –
стремительно, ломая и калеча.
Там яркий Свет – исток, броня и щит,
там нет преград и разности наречий.

Другая жизнь, другие города,
свеченье чувств – без робости и фальши...
Мы возвращаемся туда, как поезда –
по расписанию: не позже и не раньше.